

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ПСИХОАНАЛИЗА

Слои смыслов в «Скорби и меланхолии» Зигмунда Фрейда

М. М. Филиппова

Филиппова Маргарита Михайловна – психолог, психоаналитически ориентированный консультант. Кандидат филологических наук, сотрудник филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Статья является попыткой охватить основные положения концепции Зигмунда Фрейда в «Скорби и меланхолии», а также рассмотреть различные смысловые слои, или уровни смысла, содержащиеся в этой работе. Проанализированы нюансы смысла, предлагаемые в русских переводах этой статьи; обращено внимание на бытование, популярность и активное обсуждение данной работы Фрейда в профессиональном сообществе русскоязычных психологов, психотерапевтов и психоаналитиков. Подробно изучается понимание и истолкование данной работы такими известными представителями французского психоанализа, как Жак Андре, Ж.-М. Кинодо, Ж. Лаплани и Ж.-Б. Понталис.

Ключевые слова: работа скорби, меланхолия, амбивалентность, патологические формы скорби, бред самоуничтожения, ненависть к себе, аутоагрессия меланхолика, оральная интроекция утерянного объекта, идентификация, регресс любви на нарциссическую стадию, катексис либидо.

*«При горе обеднел и опустел мир, при меланхолии – само Я».
«Тень объекта падает на Я».
З. Фрейд*

Работа Зигмунда Фрейда «Скорбь и меланхолия» (Фрейд, 2016) относится к общепризнанной классике психоаналитических исследований, внесших значительный вклад в интеллектуальную жизнь общества и

современное гуманитарное знание. Фрейда не даром ставят в один ряд с самыми выдающимися мыслителями человечества, называют зодчим современного понимания человека, а его учение – коперниковским переворотом, видоизменившим не только науку, но и культуру общества в целом. Глубина мысли основателя психоанализа заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к его трудам.

Вербализация фрейдовского концепта «скорбь-горе-печаль-траур» в русских переводах

Первое, на что обращаем внимание, знакомясь с этой статьей, – это разные переводы ее названия. Первое слово в заглавии переводят по-разному, начиная со слова «печаль» и заканчивая словом «траур» в английском переводе – «Mourning and Melancholia». Например, в русском тексте «Википедии» об этой работе Фрейда, явно переведенном с английского, несколько раз использовано слово «траур». При этом для естественного носителя языка отнюдь не все равно, какое используется слово: за каждым словом тянется шлейф ассоциаций, нюансов смысла и контекстов. И то понимание, которое мы извлекаем из текста, разумеется, зависит от лексики, использованной в нем. Можно сказать, что точно так же, как существует целый ряд переводов названия, можно извлечь множественные слои смыслов и из самого текста статьи.

Смысл, вкладываемый в вариант со словом «печаль», можно передать так: печаль – это некая преходящая эмоция, не остающаяся надолго. При этом мы понимаем, что может быть глубокая печаль, а может быть легкая и совсем не тягостная. Вспомним строки пушкинского стихотворения: *«Мне грустно и легко; печаль моя светла; / Печаль моя полна тобою...»* Это легкое, нетягостное чувство, похожее на грусть или синонимичное грусти. Когда что-то не очень существенное в жизни идет не так, мы можем пожать плечами и сказать: «Печально». Несколько странно для носителя русского языка было бы сказать о человеке, потерявшем близкого: «Он печален, потому что у него умерла мать». Печаль, пожалуй, не воспринимается как адекватное чувство при серьезной утрате.

Горе – гораздо более серьезное состояние, горе не проходит быстро. В словаре С. И. Ожегова дано два значения: 1. Скорбь, глубокая печаль. *Заболеть с горя. Хватить горя.* 2. То же, что несчастье. *Случилось большое горе. Помочь горю* (помочь в беде). А в словаре Владимира Даля к слову «горе» дан ряд синонимов. Даль пишет: «ср. беда, бедствие, несчастье, злополучие, напасть; тоска, печаль, скорбь, кручина; нужда» (Даль, 1989, с. 378). Слова из этого синонимического ряда гораздо больше нагружены аффективно и экспрессивно, чем просто слово «печаль».

При слове «скорбь» у Ожегова есть помета «слово высокого стиля». Оно объяснено так: крайняя печаль, горесть, страдание. *Глубокая скорбь.* Владимир Даль объясняет слово «скорбь» через глагол «скорбить/скорбеть»: грустить, тосковать, печалиться, тужить, сильно жалеть, болеть по

чему-то, ныть сердцем, кручиниться, крушиться, сокрушаться. Этот синонимический ряд глаголов выражает весь спектр различных оттенков сердечной боли, когда человек скорбит.

Определение слова «траур» у Ожегова следующее: «1. Состояние скорби по умершему (а также по поводу какого-нибудь бедствия, катастрофы), выражающееся в ношении особой одежды, в отмене увеселений и т. п. *Страна в трауре*. 2. Черная одежда, повязка и т. п. в знак скорби. *Носить траур по матери*. II *прилагательное траурный, -ая, -ое. Траурная процессия* (погребальная). *Траурный марш. Траурная повязка*» (Ожегов, 1988, с. 659).

Итак, если слова «печаль», «горе» и «скорбь» отражают чувства, аффекты, эмоции, относящиеся к психической жизни человека, то слово «траур» скорее относится к внешнему, социально приемлемому и выражаемому в форме принятых социальных условностей поведению.

Получается, что авторы переводов акцентируют то те, то иные аспекты состояния, описываемого Фрейдом. Можно сказать, что все перечисленные значения составляют единый концепт и представляют разные его стороны и оттенки смысла, выражаемые им. Наилучшим переводом видится слово «скорбь» – в частности, потому, что оно не только семантически, но даже и стилистически соответствует тональности фрейдовских трудов.

Но этот вопрос остается дискуссионным, и психоаналитики, изучающие труды Фрейда, выражают разные мнения. Например, Айбениз Гаджиева пишет в телеграм-канале «Психоанализ на Чистых»: «Разные переводчики статьи "Trauer und Melancholie", в которой Фрейд описал феномен горя, горевания и возникновения меланхолии, переводят "горе" как "скорбь, печаль". Немецкое слово Trauer означает одновременно и (нормальный) аффект, и ритуал. На русский возможны как минимум четыре перевода немецкого Trauer: а) печаль; б) траур; в) скорбь; г) горе. Печаль подчеркивает "нормальность" чувства; траур – ритуал; скорбь указывает и на глубокую печаль, и на ритуал; горе указывает и вбирает в себя все вышеуказанные признаки бедствия, скорби, печали. Именно по этой причине мы останавливаемся на термине "горе", а не на "скорби" и не на "трауре", вопреки созвучию, или "печали", вопреки ее "нормальности". Мы будем руководствоваться в своем исследовании в основном словом "горе"» (Гаджиева, 2024). Здесь в качестве комментария хотелось бы отметить искажение семантики слова «скорбь», которая, по данным словарей, не содержит компонента «ритуал». И повторить идею о том, что в разных контекстах на первый план выступают то те, то другие компоненты смысла и лексическое богатство переводческих эквивалентов позволяет подбирать при переводе самые уместные лексические единицы. Нужно сказать, что некоторые авторы прямо отмечают, что при обсуждении данной работы Фрейда используют слова «траур», «скорбь» и «печаль» как синонимы.

Популярность статьи «Скорбь и меланхолия»

Отметим, что читателю доступны разные варианты перевода этой работы. В одних статья начинается с описания черт, являющихся общими для скорби и меланхолии, в других (в которых опущен первый абзац?) Фрейд сразу говорит о сложности объединения разных клинических форм меланхолии в единое понятие и упоминает важную категориальную оппозицию соматических заболеваний и психогенных.

Если судить по материалам, предлагаемым интернетом, эта статья Фрейда – возможно, одна из самых популярных и любимых. Специалисты читают работы Фрейда уже больше ста лет, и они неизменно вызывают интерес, желание глубже понять мысли основателя психоанализа и разнообразные толкования этих мыслей. Многие психологи выкладывают свои эссе о ней: любой желающий может прочитать в интернете эссе Натальи Чукичевой, Лады Голеневой, Екатерины Ворониной, Елены Зотовой, Марии Малышевой и других (Чукичева, 2023; Голенева, 2017; Воронина, 2021; Зотова, 2022; Малышева, 2020). В этих эссе есть пересказ идей Фрейда, с одной стороны, и много индивидуальных, личных соображений, связанных с темой работы горя и работы меланхолии (т. е. глубокой депрессии), с другой.

Например, Н. Г. Чукичева (Чукичева, 2023), обращаясь к читателю, завершает свое эссе страстным призывом к читателю: «Хочется обратиться к вам: будьте внимательны к себе и своим чувствам, не прячьте боль внутри себя, дайте ей выход. Для этого не бойтесь думать о случившемся, говорить, вспоминайте то хорошее, что было связано с утерянным объектом или состоянием. Очень важно осознавать, что горевать нормально. Ненормально не горевать, не реагировать. Все эти возникающие мысли, психические репрезентации и представления работают на ваше здоровье, они помогают вам пережить утрату».

Любопытно справедливое замечание Фрейда в самом начале о том, что мы все можем наблюдать те особенности, которые он описывает. И ведь правда: потери и утраты – это неотъемлемая часть жизни любого человека, мы можем вспомнить (хотя что-то, возможно, давно вытеснилось), как переживали свои собственные утраты, как вели себя наши родные, близкие и друзья, столкнувшись с утратой. Но потребовался аналитический гений Фрейда, чтобы уловить и классифицировать важнейшие различия, тонкости реагирования людей на такое весьма распространенное явление, как утрата.

На примере данной работы мы также можем видеть отчетливую разницу между научным подходом и обывательскими понятиями: довольно распространено представление о том, что «однолюбом быть хорошо», «однолюбы – порядочные люди». К примеру, некая женщина бросила своего мужа, а он не пережил этого и через полгода умер. Те, кому рассказывают эту историю, говорят: «Значит, сильно любил, не смог пережить утрату», т. е. положительно оценивают его преданность бросившей его жене и его неспособность это горе «переварить». И никому не приходит в голову посмотреть на эту ситуацию с точки зрения развитости

психического аппарата, его силы и способности перерабатывать негативный опыт и преодолевать его.

В начале статьи Фрейд говорит об общем в скорби и меланхолии: картина обоих состояний похожа, поводы к обоим расстройствам / болезненным состояниям, относящиеся к влиянию жизненных условий, кажутся похожими. Но нам никогда не придет в голову рассматривать горе как болезнь. Мы понимаем, что боль от потери обожаемого ребенка или любимого родителя так велика, что абсолютно любое поведение человека, перенесшего эту утрату, оправданно. Нам не придет в голову советовать человеку, перенесшему утрату, обратиться к врачу. (Так говорит Фрейд, но осмелюсь высказать мнение, что в современных условиях, с напряженными, интенсивными ритмами жизни, когда в социуме не принято изливать свое горе окружающим, когда необходимо сдерживаться вне зависимости от того, насколько тяжела утрата, общение с психотерапевтом окажется благотворным для смягчения горевания и ускорения процесса проработки горестных чувств.) Но Фрейд, исходя из реалий своего времени, говорит, что в таких ситуациях мы надеемся, что меланхолия, вызванная горем, будет преодолена естественным образом, и считаем вмешательство нецелесообразным и даже вредным.

Работа скорби в истолковании Жака Андре

В этой связи уместно обратиться к книге Жака Андре «100 слов психоанализа» (Андре, 2022, с. 126). Пройти мимо этой книги невозможно, настолько понятно, доходчиво, экспрессивно, чрезвычайно убедительно объясняет он работу скорби. Справедливо замечено, что если что-то выражено ярко, то такая экспрессия часто достигается за счет некоторой потери смысла. В психоанализе, говорит Жак Андре, работают прежде всего с тем, что очевидно, что лежит на поверхности: скорбь – это боль, уход в себя, нежелание и неспособность идти на контакт с окружающими, в целом – дезинвестиция внешнего мира.

Но понятие *работы скорби* прибавляет к горю тяжелую часть, которую труднее всего принять, насильственную часть, заключающуюся в работе по развязыванию, по отделению от умершего. Она состоит в том, чтобы отвязаться, отстраниться от смерти, чуть ли не «убить умершего во второй раз», развязывая и распутывая поочередно узлы, привязывающие к объекту.

Всплывающие настойчивые воспоминания, частые сновидения, в которых мертвые воскресают, – все это происходит, чтобы в конце концов, по завершении работы горя, легче было их забыть. И продолжается до такой степени, чтобы либидо, оказавшись снова свободным, могло быть направлено на новые объекты, имея способность полюбить вновь. Втайне враждебная часть амбивалентности протягивает руку помощи.

Почему работа по отделению столь болезненна, спрашивает автор, почему либидо цепляется за исчезнувший объект, даже когда ему уже есть замена? Жак Андре цитирует Фрейда, сказавшего: «Мы не можем этого понять». Но затем он обращается к Мелани Кляйн, у которой, как он

утверждает, на это есть ответ. Потеря дорогого человека, независимо от возраста, в котором происходит утрата, всегда является *повторной* потерей, второстепенной, уже испытанной травмой, новым переживанием *раннего* опыта. Объект сегодняшней любви – это потерянный ранее объект. Депрессивная позиция нас всех объединяет.

Любая скорбь, даже переживаемая впервые, – это всегда повторение первичного горя, реприза и трансформация более ранней смерти и страдания, игнорированных до этих пор.

Работа скорби согласно Лапланшу и Понталису

В словаре Ж. Лапланша и Ж.-Б. Понталиса (*Лаплани, Понталис*, 2016, с. 467) также содержится статья «Работа скорби». Предпосланная ей краткая дефиниция гласит: «Внутрипсихический процесс, наступающий вслед за утратой объекта привязанности; в ходе этого процесса субъекту удается постепенно отстраниться от своего объекта».

Авторы отмечают, что выражение «работа скорби» впервые появилось у Фрейда именно в «Скорби и меланхолии». Уже и само по себе оно свидетельствовало о новом подходе психоанализа к пониманию психического явления, в котором обычно видели постепенное и как бы самопроизвольное уменьшение страдания, вызванного смертью близкого человека. Фрейд считал, что этот конечный результат достигается лишь в результате целостного внутреннего процесса, предполагающего деятельность субъекта, которая, как показывает клиника патологических видов скорби, не всегда приводит к успеху.

Понятие работы скорби близко по смыслу к понятию психической переработки или, иначе, необходимости связывания травмирующих впечатлений в психическом аппарате.

О существовании внутрипсихической работы скорби свидетельствует, по Фрейду, отсутствие интереса к внешнему миру одновременно с утратой объекта: вся энергия субъекта отдана скорби и воспоминаниям, покуда наконец *«Я, столкнувшись с вопросом о том, желает ли оно разделить судьбу [утраченного объекта. – Прим. авт.], не убеждается с помощью всевозможных нарциссических удовлетворений, примиряющих с жизнью, в необходимости порвать свою связь с утраченным объектом»*. Однако, прежде чем произойдет такое отстранение и станут возможными новые нагрузки, психика должна выполнить свою задачу: *«Каждое воспоминание, каждое ожидание, связывающие либидо с объектом, должны быть выявлены и сверхнагружены, чтобы отделиться от либидо»*. В этом смысле можно сказать, что работа скорби заключается в том, чтобы «убить смерть».

Фрейд, говорят авторы, выявил шкалу различий между нормальной скорбью, патологическими разновидностями скорби (когда субъект считает себя виновным в смерти близкого человека, отрицает смерть, ощущает воздействие покойного и его власть над собой, полагает, что болен той же болезнью, которая привела близкого человека к смерти, и т. д.) и меланхолией. В общем, по Фрейду, этот амбивалентный конфликт выходит

на первый план при патологической форме скорби, а при меланхолии делается еще и следующий шаг: *Я* начинает отождествлять себя с утраченным объектом.

Послефрейдовский психоанализ стремился прояснить феномен нормальной скорби на основе ее патологических форм, связанных с депрессией и меланхолией, а также маниакальными состояниями, подчеркивая значение амбивалентности и роль агрессивности по отношению к покойному, позволяющими отстраниться от него.

Меланхолия в интерпретации Жака Андре

Обратимся еще раз к словарю Жака Андре, столь образно и выразительно представляющего разнообразные концепты психоанализа. Его статья о меланхолии (Андре, 2022, с. 71) начинается с визуального описания: «Слишком тяжелая голова, чтобы можно было ее удержать, покоится на ладони, подпирающей ее с трудом, – такова картина меланхолии (желчь *khole*, черное *melas*), сопровождающая всю историю живописи и поэзии, от "однообразной истомы" (Верлен) до "счастья быть печальным" (Гюго). Когда меланхолия не является обычной ностальгией, она не только пропитывается желчью, она еще и облачается во все черное, культивируя самое мрачное и пессимистичное...» Далее Жак Андре, подтверждая мысли Фрейда, напоминает нам: скорбящий знает, что он утратил, в то время как меланхолик ничего об этом не знает.

Меланхолия сопротивляется работе скорби, она противится любому разрешению ситуации потери, она выступает против малейшего различия между живыми и мертвыми. Объект (любви) утрачен настолько, что теряется и сам субъект, утративший объект любви, как таковой, оставляя место лишь утрате.

К картине депрессии меланхолия прибавляет «безнадежное универсальное отвращение, содержащее в себе глубокую ненависть» (Вовенарг) (Цит. по: Андре, 2022, с. 71). И в первую очередь отвращение к самому себе. Меланхолику невозможно понять, что кого-то может заинтересовать такое мерзкое существо, каким является он, его упреки в собственный адрес доходят до бреда самоуничтожения. Без всякого стеснения он выставляет напоказ свои пороки и недостатки, в полной уверенности, что и другие их не лишены: «Если обходиться с каждым по заслугам, разве кто-то избежит кнута?» (Гамлет). «При горе обеднел и опустел мир, при меланхолии – само Я» (Фрейд).

Возможно, потерянный объект не такой пустой, как сам меланхолик, потерянный объект накрывает Я меланхолика своей тенью, отчего Я меланхолика смешивается с потерянным объектом. Ненависть к себе скрывает ненависть к другому, что делает меланхолию похожей на внутреннюю паранойю. Паранойя опасна для других, она может привести к убийству. Меланхолия опасна для самого себя, она может привести к суициду.

«Скорбь и меланхолия» в понимании Ж.-М. Кинодо

Следующим трудом, в котором находим ценные мысли автора по поводу обсуждаемой работы Фрейда, является классический труд Жана-Мишеля Кинодо «Читая Фрейда. Изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе» (Кинодо, 2012, с. 223). Можно порадоваться тому, что в своей книге Ж.-М. Кинодо подробно разбирает работу Фрейда «Скорбь и меланхолия», и это помогает гораздо глубже понять мысли основателя психоанализа. Важно также, что данный исследователь вникает в нюансы смысла, мимо которых легко может пройти менее профессионально искусный и не столь чуткий читатель.

Кинодо отмечает, что гипотезы, представленные Фрейдом в этой работе, были во многом продолжением новаторских исследований Карла Абрахама, ставшего, в частности, первым психоаналитиком, бравшимся за лечение маниакально-депрессивных пациентов. В одной из статей 1911 года К. Абрахам показал, что у депрессивных пациентов способность любить парализована яростью их садистических фантазий и «чрезмерной враждебной предрасположенностью либидо» (Abraham, 1911, p. 104). Тогда же он высказал предположение, что корни депрессии лежат в вытеснении садизма; Абрахам считал, что меланхолия и мания также ведут свое происхождение из этого комплекса, на который больные реагируют по-разному. Он утверждал также, что депрессия взрослого берет начало в базовой депрессии ребенка. Хотя он не смог верифицировать эту идею, клиническое подтверждение его идеи предоставила Мелани Кляйн, и Абрахам немедленно поделился своим открытием с Фрейдом в письме, от 7 октября 1923 года (Цит. по: Кинодо, 2012, с. 222),

Нормальная и патологическая скорбь

В работе «Скорбь и меланхолия» Фрейд исследует вопрос о реакциях индивида в связи с реальной потерей, с разочарованием в любимом человеке или с потерей идеала: почему некоторые люди реагируют аффектом скорби/печали, со временем преодолеваемым, в то время как другие погружаются в депрессивное состояние? (Кинодо уточняет, что во времена Фрейда меланхолией называли то, что сейчас называется депрессией, а термин «меланхолия» употребляют сегодня по отношению к ее тяжелой, т. е. психотической форме.) Фрейд констатирует, что, в отличие от нормальной скорби, переживаемой в основном на сознательном уровне, патологическая печаль и скорбь развивается на уровне бессознательного, так как меланхолик, по утверждению Фрейда, «не может сознательно воспринять то, что он потерял» (Freud, 1968, p. 149). Нормальная и патологическая скорбь имеют общую черту – торможение и отсутствие интереса, объясняемые работой скорби, захватившей Я. Но в меланхолии есть нечто большее, продолжает Фрейд, – это необыкновенное уменьшение чувства самоуважения: «При печали/скорби обеднел и опустел окружающий мир, при меланхолии – само Я» (Op. cit., p. 150). В патологической скорби на первый план выходит отвращение больного по отношению

к своему собственному Я в форме упреков, адресованных самому себе, и обесценивания себя. Кинодо задает вопрос: как объясняются подобные самообличения, способные доходить до бредового ожидания наказания?

У меланхолика «Я никчемен!» на самом деле значит «Ты никчемен!»

Ж.-М. Кинодо особо подчеркивает выдвинутое Фрейдом гениальное предположение: согласно ему, все самообвинения депрессивной личности являются на самом деле обвинениями против значимой *потерянной* личности, чаще всего из близкого окружения пациента (*Op. cit.*, p. 160). Он утверждает: «Женщина, на словах жалеющая своего мужа за то, что он связан с такой негодной женой, хочет, собственно говоря, обвинить своего мужа в негодности во всех смыслах» (*Op. cit.*, p. 154). Иными словами, когда эта женщина обвиняет себя, объявляя «Я никчемная!», это самообвинение оказывается обвинением, бессознательно направленным на ее мужа: «Ты никчемный!» Фрейд замечательно выражает это на немецком языке, говоря о таких больных: «*Ihre Klagen sind Anklagen*», («Их самообвинения – это обвинения»), обыгрывая таким образом сгущение в словах *Klagen* (жалобы) и *Anklagen* (устаревший юридический термин, означающий «подать жалобу *против* кого-то»).

Затем Фрейд показывает, что употребляемые меланхоликом слова, когда он высказывает свои самообвинения, говоря, например, «Я никчемный!», шаг за шагом обнажают структуру его внутреннего конфликта: «Мы должны обратить внимание на то, что меланхолик правильно описывает свое психологическое состояние» (*Op. cit.*, p. 152). Особая языковая структура самообвинений приводит нас к пониманию внутреннего конфликта меланхолика, и Фрейд систематически рассматривает ее различные элементы: он последовательно описывает оральную интроекцию утерянного объекта, идентификацию с ним при регрессе любви на нарциссическую стадию, обращение против себя самого ненависти, предназначенной объекту, и т. д. Понимание этих процессов, говорит Кинодо, требует от читателя особого внимания, тем более что клиническая реальность, о которой идет речь, скорее имплицитна, нежели эксплицитна.

Разрыв с внешним миром и отступление в нарциссизм

Вначале Фрейд объясняет, как происходит замена *Я* на *Ты*, когда меланхолик эксплицитно обвиняет себя, говоря «Я никчемен!», хотя на самом деле он имплицитно обвиняет другого: «Ты никчемен!» Какие же ментальные процессы соответствуют психическим изменениям, выраженным этими словами? Кинодо обращается к объяснению Фрейда, что в случае утери объекта имеет место фундаментальная разница между нормальным гореванием и патологическим, причиной которого является изменение направления катексиса либидо: при нормальной скорби субъект способен отказаться от «потерянного» объекта и отвести либидо, так что ставшее свободным либидо может быть направлено на новый объект.

При меланхолии, напротив, субъект не отнимает либидо от «потерянного» объекта, чтобы не расставаться с ним и остаться с ним одним целым. Я меланхолика в своих фантазиях «поглощает» этот объект, выбирая путь *нарциссической идентификации*: *«Тень объекта падает на Я, которое теперь может быть расценено особой инстанцией как объект, как покинутый объект. Таким образом, утрата объекта превратилась в утрату Я, а конфликт между Я и любимым человеком – в раздор между критической способностью Я и Я, изменившимся в результате отождествления»* (Op. cit., p. 158). Это изменение направления объектного катексиса в сторону собственного Я, воспринимаемого как объект, объясняет потерю интереса меланхолика к окружающим его лицам и последующий «нарциссический» возврат к собственной личности. Меланхолик настолько сосредоточен на самом себе, что его как бы засасывает вихрь самообвинений.

Кроме того, это обращение упреков на свою собственную персону предполагает расщепление Я: часть Я смешивается с утерянным объектом, другая критикует, выступая в качестве инстанции, называемой Фрейдом моральным осознанием (совестью): *«Мы наблюдаем у него, как одна часть Я противопоставляется другой, производит критическую оценку ее, делает ее как бы посторонним объектом»* (Op. cit., p. 153). Эта критическая инстанция – прообраз понятия Сверх-Я.

Любовь регрессирует до нарциссической идентификации, и ненависть обращается против самого субъекта

Кинодо обращается к мнению Фрейда, что сильная самодеструктивная тенденция депрессивных больных есть результат усиления амбивалентности любви и ненависти по отношению к объекту и к Я, когда аффекты распадаются и испытывают различные превращения. С одной стороны, субъект продолжает любить объект, но ценой регресса к примитивной форме любви, т. е. к идентификации, при которой «любить объект» значит «быть объектом»: *«Нарциссическое отождествление с объектом заменяет тогда привязанность к объекту, следовательно, несмотря на конфликт с любимым лицом, любовная связь не должна быть прервана»* (Op. cit., p. 156). В этом случае речь идет о регрессии либидо на оральную каннибалистическую стадию, когда субъект поглощает объект, «пожирая» его. С другой стороны, в результате нарциссической идентификации Я с любимым объектом ненависть субъекта, предназначенная объекту внешнего мира, обращается против собственного Я, которое объединяется с объектом: *«Если любовь к объекту, от которой невозможно отказаться, в то время как от самого объекта отказываются, находит выход в нарциссическом отождествлении, то по отношению к объекту, служащему заменой, проявляется ненависть, этот новый объект оскорбляют, унижают и причиняют ему страдание, благодаря этому страданию ненависть получает садистическое удовлетворение»* (Op. cit., p. 159).

Явные самообвинения: скрытые упреки другому

Кинодо объясняет, что Фрейд касается еще одного значимого момента, показывая, что самообвинения меланхолика одновременно являются агрессией по отношению к объекту, т. е. нарциссический возврат пациента не исключает существование бессознательных объектных отношений. Фрейд отмечает, что пациент-меланхолик, в точности как обсессивный невротик, испытывает *наслаждение* от одновременного осуществления садистических, наполненных ненавистью стремлений по отношению к самому себе и к другому – чаще всего кому-то из близкого окружения: *«При обоих заболеваниях больным еще удается обходным путем через самоистязание мстить первоначальным объектам и мучить любимых людей своей болезнью, в которую они погрузились, чтобы не проявлять непосредственно свою враждебность к этим близким людям»* (Op. cit., p. 160).

Показав, таким образом, что аутоагрессия меланхолика становится средством нападения на объект и отмщения ему, Фрейд подчеркивает, что его пациенты, несмотря на нарциссизм, тем не менее поддерживают объектные отношения со своим окружением, но это отношения, базирующиеся на ненависти и агрессивности. Кинодо считает несомненным: подчеркивая возвращение маниакально-депрессивных пациентов к нарциссизму, Фрейд полагал, что эти пациенты не способны развивать перенос и непригодны для анализа, отсюда и определение их как нарциссических невротиков. Но психоаналитики-постфрейдисты показали, говорит Кинодо, что эти пациенты развивают перенос, поддающийся анализу, даже если в этом переносе преобладают враждебные чувства к аналитику.

Как это ни парадоксально, но в итоге, после изучения многочисленных откликов на данную работу Фрейда, при новом ее прочтении становится понятно, что глубина мысли основателя психоанализа местами остается непостижимой и требует многократного перечитывания работы для дальнейшего ее изучения. Отметим также развитие идей Фрейда в работах его учеников и последователей. Например, в своей статье «Горе, меланхолия и соматизация» Клод Смаджа объясняет, что Фрейд анализирует работу меланхолии, сравнивая ее с работой горя (скорби), определяя расстояние между ними, уточняя их различие с метапсихологической точки зрения. Таким образом, горе/скорбь или меланхолия фигурируют как два ответа – один нормальный, другой патологический – на общую ситуацию, ситуацию потери объекта. Однако далее Клод Смаджа дополняет категоризацию Фрейда соображениями о лечении соматических пациентов, говоря: «Как психоаналитический, так и психосоматический опыт обнаруживают в лечении соматических пациентов третье решение патологического порядка – соматизацию в ответ на потерю объекта». И далее в этой своей работе К. Смаджа проводит сравнительное исследование горя, меланхолии и соматизации (Смаджа, 2013).

В пособии Дж. Вильяма Вордена «Консультирование и терапия горя. Пособие для специалистов в области психического здоровья» речь идет о многих аспектах горевания. Ворден излагает теории и идеи, связанные

с пониманием процесса горевания, делится результатами эмпирических исследований переживания утраты. Детально описывается многогранный процесс горевания, его этапы и задачи, факторы, влияющие на него, и специальные техники фасилитации неосложненного горя и разрешения осложненного горевания. Столкновение с фактом смерти и переживание утраты – это универсальный опыт, затрагивающий существование любого человеческого существа, так что изучение этого вопроса является актуальным всегда и для всех (*Ворден, 2020*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андре Ж.* 100 слов психоанализа / Пер. с фр. Л. И. Фусу. М.: Когито-Центр, 2022.
2. *Ворден Дж. В.* Консультирование и терапия горя. Пособие для специалистов в области психического здоровья. М.: Центр психологического консультирования и психотерапии, 2020.
3. *Воронина Е.* Эссе по работе Зигмунда Фрейда «Горе и меланхолия». 5 августа 2021 г. URL: <https://www.b17.ru/article/334814/>
4. *Гаджиева А.* 13 марта 2024 г. URL: https://t.me/psy_sur_chistye/1162
5. *Голенева Л. В.* О работе З. Фрейда «Скорбь и меланхолия». 12 декабря 2017 г. URL: <https://golenevalada.ru/blog/o-rabote-z-freyda-skorb-i-melankholiya/>
6. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1, 4. М.: Русский язык, 1989.
7. *Зотова Е. А.* Горе и меланхолия. Эссе по статье З. Фрейда. 5 августа 2022 г. URL: <https://www.b17.ru/blog/337071/>
8. *Кинодо Ж.-М.* Читая Фрейда. Изучение трудов Фрейда в хронологической перспективе. М.: Когито-Центр, 2012.
9. *Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу / Пер. с французского и научное редактирование Н. С. Автономовой. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
10. *Малышева М. С.* О работе З. Фрейда «Скорбь и меланхолия». 13 июля 2020 г. URL: <https://www.b17.ru/article/289107/>
11. Об адекватной ненависти в контрпереносе. Сб. статей. М.: Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах, 2012.
12. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1988.
13. *Смаджа К.* Горе, меланхолия и соматизация // Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах / Пер. Л. И. Фусу URL: <https://psychic.ru/articles/somatic/modern03.htm>
14. *Фрейд З.* Горе (скорбь) и меланхолия. 1917 г. // Институт психологии и психоанализа на Чистых прудах. URL: <https://psychic.ru/articles/classic08.htm>
15. *Фрейд З.* Скорбь и меланхолия (1917) // Проект «Весь Фрейд». 05.05.2016. URL: freudproject.ru/?p=796
16. *Чукичева Н. Г.* Горе и меланхолия. 6 марта 2023 г. URL: <https://www.b17.ru/article/420430/>

17. *Abraham K.* (1965) *Préliminaire à l'investigation et au traitement psychanalytique de la folie maniac-dépressive et des états voisins*, trad. I. Barande, in: *Oeuvres complètes. T I, 1907–1914*, Paris, Payot. P. 99–113.
18. *Freud S.* (1968) «*Deuil et mélancolie*», trad. J. Laplanche et J.-B. Pontalis, in *Métopsychologie*. Paris, Gallimard. P. 145–171.

The Layers of Meaning in Sigmund Freud's "Mourning and Melancholia"

M. M. Philippova

Philippova Margarita M., PhD, psychologist, psychoanalytically oriented counselor. Associate Professor of the Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University.

The article represents an attempt at covering the main points of Sigmund Freud's 'Mourning and Melancholia', as well as considering various layers of meaning, or levels of meaning the work contains. Nuances of meaning are analysed which are suggested by translations of this article into Russian; attention is paid to its mode of existence, popularity and active discussion in the professional community of psychologists, psychotherapists and psychoanalysts. Detailed study is made of the way this work has been understood and interpreted by such well-known representatives of French psychoanalysis as Jacques André, Jean-Michel Quinodoz, Jean Laplanche and Jean-Bertrand Pontalis.

Keywords: the work of mourning, melancholia, ambivalence, pathological forms of grief, delusion of self-loathing, self-hate, the melancholiac's autoaggression, oral introjection of the lost object, identification, regression of love to the narcissistic stage, cathexis of the libido.